

Повести о Николе Заразском — цикл рязанских повестей о событиях татаро-монгольского нашествия. Цикл не имеет единого автора: он слагался в течение почти двух столетий, продолжая дополняться описанием «чудес» и порождая различные редакции

еще два столетия. Изучение истории текста цикла сильно затрудняется тем обстоятельством, что сохранились лишь поздние списки. Всего один список датируется XVI-м в. (ГБЛ, Волок. собр., № 526), остальные списки (их не менее ста) — XVII и XVIII вв. Тем не менее положение не безнадежно. Центральная и лучшая из составных частей цикла — Повесть о разорении Рязани Батыем в той или иной степени отразилась во многих произведениях русской литературы XIV—XVI вв. и по этим отражениям до известной степени мы можем судить о движении ее текста и текста некоторых других произведений цикла.

Цикл состоит из Повести о перенесении Иконы Николы Заразского из Корсуня, уже упомянутой Повести о разорении Рязани Батыем, Похвалы роду рязанских князей (иногда включаемой в состав предшествующей повести), родословной попов, служивших у иконы Николы Заразского, и охватывающей то 335, то 389 лет, и двух «Коломенских чудес» иконы Николы Заразского, произошедших уже в XVI в. и так или иначе связанных с Коломной (с перенесением иконы в Коломну в 1522 г. и построением каменной стены в Зарайске в 1531 г.).

Некоторое указание на авторство первой из повестей рязанского цикла имеется в краткой части этого цикла — «Род служителей чудотворца Николы Заразского». Все «служители» церкви Николы Заразского в городе Заразске, переименованном в XVII в. в Зарайск, происходили из одного рода «служителя» Евстафия, который пришел «ис Корсуни с чудотворным Николиным образом». О сыне Евстафия — «Евстафии втором» говорится: «сии написа Еустафей вторый Еустафьев сын Корсункова. На память последнему роду своему».

Что же «сии» написал «Евстафий вторый»? Родословие, само собой разумеется, написать он не мог. Центральную повесть цикла — Повесть о разорении Рязани, как мы увидим, написать он также не мог, так как повесть эта содержит признаки относительно позднего своего происхождения: там спутана хронология, погибшими в неравном бою с Батыем показаны такие князья, которые на самом деле умерли позднее, смешаны их родственные отношения — все это могло произойти не ранее XIV в., когда многое уже забылось, получило свое эпическое обобщение. «Евстафий вторый» мог написать какой-то первоначальный краткий вариант Повести о разорении Рязани Батыем, однако по существу этот первоначальный краткий вариант был летописного характера и не связан с иконой Николы. Остается предположить, что «Евстафий вторый» написал Повесть о перенесении иконы Николы из Корсуня. Эта повесть сравнительно мало варьируется в списках (главное колебание — в указании на тот город, через который прибыл Евстафий со своим семейством и иконой в Новгород из Корсуни: по одной версии он проехал через Кесь, ныне Цесис Латвийской ССР, по другой — через Ригу). Предположение о том, что «Евстафий вторый» написал именно Повесть о перенесении иконы Николы, согласуется и с тем, что в самой повести «Евстафий

второй» упоминает о самом себе: Никола является во сне «Евстафию первому» и говорит: «Астафие, возьми мой чудотворный образ Корсунски, супругу свою Феодосию, и сына своего Остафия и гряди в землю Резаньскую». Язык этой повести весьма архаичен, лексический состав ее не противоречит тому предположению, что она была составлена в середине XIII в. Предположения о том, что род слугителей Николы Зараского был греческого происхождения, лишены основания. Корсунь в начале XIII в. имела, как известно, многочисленное русское население наряду с греческим и представителями других национальностей. Заключается первая повесть цикла описанием гибели князя Федора Юрьевича «от безбожнаго царя Батыя на реке на Воронежи» и самоубийства его жены Евпраксии вместе с сыном их — Иваном Постником. Этот заключительный эпизод первой повести повторен во второй — в Повести о разорении Рязани Батыем, причем повторен он в сходных выражениях, что указывает на общий источник или на то, что вторая повесть, составлявшаяся позднее, заимствовала этот эпизод из первой.

Вероятнее всего предположение, что перед нами какая-то запись летописного характера: в основной части второй повести — Повести о разорении Рязани Батыем — ясно проступает рязанская летопись. Дело в том, что под 1238 г. в Синодальном списке *Летописи Новгородской первой*, в той его последней части, которая в наиболее авторитетном издании, выполненном А. Н. Насоновым, определена как относящаяся к первой половине XIV в. (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950, с. 5), читается рассказ, очень близкий к Повести о разорении Рязани Батыем и не содержащий анахронизмов, которых немало в окончательном дошедшем до нас тексте Повести о разорении Рязани Батыем. Это и есть, как нам представляется, древнейшая основа Повести.

Впервые на ее сходство со статьей НІЛ под 1238 г. обратил внимание В. Л. Комарович (в «Истории русской литературы»). Он считал, что в НІЛ сохранились остатки рязанского летописного свода Ингваря Ингоревича. Другой фрагмент этого свода читается в НІЛ под 1218 г., в нем описывается убийство рязанскими князьями Глебом и Константином своих родственников. Оба рязанских рассказа резко выделяются в спокойном изложении НІЛ своим обличительным пафосом, а с другой стороны, во второй повести и таким традиционным способом, отмечающим конец вставки, как фраза: «Но на подлежащее возвратимся». Рязанское происхождение рассказа в НІЛ под 1238 г. о взятии Рязани Батыем ясно из того, что говорит о себе сам рассказчик: «И кто, братье, о сем не поплачется, кто ся нас остал живых . . . Да и мы то видевшие, устрашилися быхом». Косвенно указывает на рязанское происхождение рассказа НІЛ и то обстоятельство, что Рязань названа в нем просто «град», и даты подхода татар к Рязани и ее взятия указаны совершенно точно: 16 и 21 декабря.

Итак, древнейшее ядро Повести о разорении Рязани Батыем имело летописный характер. В последующем «зрелом» тексте Повести эта летописная форма в какой-то мере сохраняется (например, формула «В лето 6745. . .», отдельные летописные приемы изложения и пр.). В древнейшем ядре Повести нет рассказа о Евпатии Коловрате, нет плача Ингваря Ингоревича, нет явно анахроничного рассказа о смерти Олега Красного (в действительности же князь попал в плен, возвратился из Орды в 1252 г. и умер в 1258 г.), не сделаны еще все рязанские князья братьями вопреки исторической правде, нет Похвалы роду рязанских князей и мн. др.

Повесть о разорении Рязани Батыем в дальнейшем отразилась в летописной Повести о нашествии Тохтамыша на Москву в 1382 г. в обеих ее редакциях (в редакции Симеоновской летописи и Рогожского летописца и в редакции НИУЛ и СИЛ). Обращает на себя внимание, что Повесть о разорении Рязани не повлияла на Повесть о нашествии Тохтамыша, ни «плачем Ингваря Ингоревича», ни эпизодом с Олегом Красным, ни рассказом о Евпатии Коловрате, ни Похвалой роду рязанских князей. Очевидно, что всех этих частей не было еще в Повести о разорении Рязани, однако текст, повлиявший на Повесть о нашествии Тохтамыша, вполне близок тому, который и сейчас читается в Повести о разорении Рязани. Отсюда ясно, что в конце XIV в. эта Повесть уже существовала, но, вероятнее всего, без указанных частей.

Плач Ингваря Ингоревича появился в Повести под влиянием плача великой княгини Евдокии по Дмитрии Донском, читающимся в составленном в XV в. Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, «царя Русьскаго». Это Слово, повлиявшее на Повесть, само испытало в свою очередь ее влияние. В Слове отразилась Повесть без рассказа о Евпатии Коловрате и без рассказа об Олеге Красном, но уже с Похвалой роду рязанских князей. Это, конечно, не значит, что Похвала была составлена только в это время: по всей литературной форме и идеалам княжеского поведения она очень архаична и могла быть написанной еще в XIII в., тогда же, когда было написано близкое ей по духу Слово о гибели Русской земли. Однако в соединении с Повестью о разорении Рязани Похвала появилась, очевидно, уже в XV в. То же влияние Повести, уже соединенной с Похвалой, видим мы и в «Задонщине». Значит и ко времени создания «Задонщины» (дата ее создания, впрочем, весьма спорна) соединение в одном своде Повести и Похвалы было налицо. Мало того, в «Задонщине» отыскиваются следы влияния рассказа о Евпатии Коловрате и плача Ингваря Ингоревича. «Задонщина» несомненно составлена позднее Повести о нашествии Тохтамыша в 1382 г. Отсюда можно предположить, что дошедший до нас состав и вид Повести о разорении Рязани с Похвалой роду рязанских князей и плачем Ингваря Ингоревича образовался где-то в самом кон. XIV или нач. XV в., между созданием Повести о нашествии Тохтамыша и написанием «Задонщины». Неясен только

вопрос о рассказе со смертью Олега Красного. Возможно, что он был присоединен к Повести о разорении Рязани именно в это время — тогда, когда нужна была некая патриотическая реабилитация Рязанского княжества и его князей.

В полном своем составе повлияла Повесть о разорении Рязани и на Сказание о Мамаевом побоище во всех его редакциях. Так же точно в полном своем составе отразилась она и в Повести Нестора-Искандера о взятии Царьграда турками конца XV в.

В XVI в. в связи с временным переносом в 1522 г. иконы Николы Заразского в Коломну рязанский цикл был дополнен двумя коломенскими «чудесами» явно коломенского же происхождения. В XVII в. весь цикл Повестей о Николе Заразском подвергается различным переработкам. Цикл становится особенно популярен в связи с той ролью, которую сыграл Заразск и икона Николы в событиях Смутного времени. В 1608 г. она была украшена Василием Шуйским, в 1610 г. заразский протопоп Димитрий действовал против интервентов вместе с князем Пожарским. Характер переработок Повестей в XVII в. резко отличается от характера переработок в предшествующие столетия: если тогда рязанский цикл складывался, дополнялся новыми текстами, то теперь текст перерабатывается целиком — и в стилистическом, и в идеологическом отношении. Так появляются редакции, связанные с определенной средой или узкими назначениями (например, церковно-служебными). Появляются редакции «Стрелецкая», составленная, очевидно, в Коломне, редакция «Сказания», «Воинская», редакция «Русского временника», Проложная и пр.

Один из списков пространного вида редакции «Сказания» заключается словами: «справил Ивашко иконник Калашников», но был ли иконник Калашников автором редакции «Сказания» этого пространного вида или простым переписчиком — сказать трудно. По-видимому, необходимо признать, что наиболее «существенными» авторами в рязанском цикле были «Евстафий второй», создавший первую повесть цикла, неизвестный автор Похвалы роду рязанских князей и тот автор, который на грани XIV и XV вв. создал окончательный текст Повести о разорении Рязани Батыем вместе с рассказом о Евпатии Коловрате, плачем Ингваря Ингоревича и пр. Все указанные авторы обладали незаурядными литературными способностями и высокими патриотическими чувствами.

Изд.: [Ундольский В. М.] Приход чудотворного Николина образ Зарайского иже бе из Корсуня града в пределы Рязанские . . . — ВОИДР, 1852, т. 15, отд. III, с. 11—21; Повесть о разорении Рязани. — Срезневский. Сведения и заметки, № 39; Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском (тексты). — ТОДРЛ, 1949, т. 7, с. 257—406; Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. / Подг. текста, пер., статьи и ком. Д. С. Лихачева. — В кн.: Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949, с. 5—29; 119—142, 244—266, 284—295 (сер. «Литературные памятники»); Повесть о разорении Рязани Батыем / Пер., статья и примеч. Д. С. Лихачева. — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М., 1957, с. 267—275, 358—366; Ботши И. Текст Повести о разорении Рязани Батыем по Волоколам-

скому списку XVI в. (№ 523). — *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1960, t. 6, с. 23—73; Повесть о разорении Рязани Батыем / Подг. текста, пер. и примеч. Д. С. Лихачева. — В кн.: «Изборник»: Сб. произв. литературы Древней Руси. М., 1969, с. 344—361, 72—745; *Altrussische Dichtung aus dem 11.—18. Jahrhundert*. Leipzig, 1971, S. 100—113 (пер. с нем. яз.); *Z e n k o v s k y S. A. Medieval Russia's Epics, Chronicles and Tales*. 2 ed. New York, 1974, p. 199—207 (пер. на англ. яз.); Повесть о разорении Рязани Батыем / Подг. текста, пер. и ком. Д. С. Лихачева. — ПЛДР. XIII век. 1981, с. 184—199, 554—558; Похвала роду рязанских князей / Подг. текста, пер. и ком. Д. С. Лихачева. — Там же, с. 200—203, 559—560.

Лит.: К о м а р о в и ч В. Л. 1) Рязанский летописный свод XIII в. — В кн.: История русской литературы. Т. 2. Литература 1220-х—1580-х гг. М.; Л., 1946, ч. 1, с. 74—85; 2) К литературной истории Повести о Николе Зарайском. — ТОДРЛ, 1947, т. 5, с. 57—72; В о д о в о з о в Н. В. Повесть о разорении Рязани Батыем. — Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, 1955, т. 48, вып. 5, с. 3—27; П у т и л о в Б. Н. 1) Песня о Евпатии Коловрате. — ТОДРЛ, 1955, т. 11, с. 118—139; 2) Песня об Авдотье Рязаночке. — Там же, 1958, т. 14, с. 163—168; 3) К вопросу о составе Рязанского песенного цикла. — Там же, 1960, т. 16, с. 230—244; А н т о н о в а В. И. Московская икона начала X в. из Киева и «Повесть о Николе Зарайском». — Там же, 1957, т. 13, с. 375—392; Ч е р м е н с к и й П. Н. Два спорных вопроса топонимики древней Рязанщины. — АЕ за 1959 год. 1960, с. 13—15; Л и х а ч е в Д. С. 1) Литературная судьба Повести о разорении Рязани Батыем в первой четверти XV в. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 9—22; 2) К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем. — АЕ за 1962 год. М., 1963, с. 48—51; 3) «Повесть о разорении Рязани Батыем». — В кн.: Великое наследие: Классич. произв. литературы Древней Руси. М., 1975, с. 221—239; 4) «Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем». — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 366—370; Ю ш и н П. Ф. Поэма С. Есенина о Евпатии Коловрате. — ИОЛЯ, 1965, т. 24, вып. 1, с. 18—28; Е в с е е в а И. А. 1) «Повесть о разорении Рязани Батыем» в составе тематического цикла о татарском нашествии в Русском временнике и Хронографе 1599 г. — Вестн. ЛГУ, 1983, № 20, с. 50—55; 2) Анализ формульного стиля Повести о разорении Рязани Батыем. — В кн.: Рукописная традиция XVI—XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983, с. 120—125; 3) «Повесть о разорении Рязани Батыем» в Хронографической редакции XVI в. — В кн.: Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984, с. 156—171.

Д. С. Лихачев